

**ИКОНКА «СВ. НИКИТЫ-БЕСОГОНА» С КОРИНСКОГО КУРГАННОГО
МОГИЛЬНИКА: ВОПРОС О НОШЕНИИ ПРЕДМЕТОВ ХРИСТИАНСКОГО
КУЛЬТА У МОРДВЫ В XV-XVI вв.**

В 1926 году Е. И. Горюновой был раскопан сдвоенный курган №10 Коринского могильника, содержащий древнерусскую иконку-подвеску с изображением Святого Никиты-бесогона. Автором статьи было определено время жизни похороненных в кургане, а также уточнена их этническая принадлежность и установлен ареал распространения культа Никиты-бесогона.

Ключевые слова: курган, мордва, русские, XV-XVI вв., Коринский могильник, застёжки, перстни, иконка, Св. Никита-бесогон, Тверь, Москва.

Вопросы межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений народов Окско-Сурского междуречья в период XV-XVI вв. пока в основном характеризуются отрывочными данными скудных письменных источников. Об этих процессах можно судить лишь по материалам дозорных и переписных книг XVI в., указывающих на мордву-язычников и русское православное население. В это время имеются поселения со смешанным населением, представленном «бортниками» и «мордвой». Эти же категории жителей региона представлены среди воинских контингентов в Полоцком походе 1562 г.

С археологической точки зрения данный период в регионе изучен не равномерно. По памятникам, связываемым с русским населением, благодаря исследованиям нижегородских учёных, имеются материалы характеризующие древности XV-XVI вв., в мордовской археологии XV – 1-я половина XVI в. являются «белым пятном». Особенно наглядно эта научная проблема представлена в исследовании хронологии населения Западного Поволжья, в рамках которого древности XV в. вообще не выявлены (Вихляев и др., 2008. С.152).

В своей работе посвященной рассмотрению находки деталей поясной сумки из п.159 Мордовско-Паркинского могильника, мы отметили то, что проблемы в выделении древностей XV-XVI вв. в первую очередь связаны со слабой изученностью комплексов этого времени (Козлов, 2023, С.21). При рассмотрении инвентаря женских погребений Старосельского могильника, выявлен комплекс парного погребения рубежа XV-XVI вв. (Козлов, 2024. С.43). Эти материалы, несмотря на малочисленность, всё же позволяют наметить особенности мордовских древностей как на рубеже XIV-XV вв., так и на рубеже XV-XVI вв. Необходимо отметить, что в исследовании хронологии 2008 года не были использованы материалы таких памятников как Сарлейский, Гагинский, Коринский, Муранский и др. могильников с большим количеством комплексов, хранящиеся в фондах ГИМ. Знакомство с этими данными позволило по-новому взглянуть на проблематику

мордовских древностей XV-XVI вв. Одному из комплексов этого периода Коринского могильника, с предметом христианского культа, частично опубликованного Е. И. Горюновой в 1948 г. (Горюнова, 1948. С.56-87), и посвящена данная работа.

Коринский могильник расположен между селами Хирино и Корино Шатковского района Нижегородской области (рис. 1), в 0,8 км к юго-востоку от с. Хирино, в 1,8 км к северо-западу от с. Корино, примерно в 50 м от р. Елховки (Вонячки) (АКР, 2004. С.324), на выступе берега, образованного надпойменной террасой долины речки и примыкающим оврагом (Горюнова, 1948. Рис.1. С.59) (рис. 2.А). Первые сведения о памятнике сообщает иеромонах Макарий в 1851 г. Исследовался в 1913 г. по поручению Нижегородской архивной комиссии А. В. Богородским, при участии А. А. Богодурова и А. П. Мельникова (АКР, 2004. С.324). Тогда было исследовано 3 кургана (по нумерации Е.И. Горюновой №12, №14 и одиночный №15). Кроме кургана №12 с женским захоронением и инвентарём, остальные насыпи не содержали выразительного материала (Горюнова, 1948. С. 56).

В 1925 г. Коринский могильник обследовался А. Я. Садовским. В 1926 г. памятник был обследован участниками Антропологической комплексной экспедиции - А. Е. Алиховой и М. В. Воеводским. По их поручению в том году велось изучение памятника под руководством Е. И. Горюновой. В раскопках принимали участие студенты из ВУЗов г. Горького (нынешний Нижний Новгород), также при участии сотрудника бывшего Историко-бытового музея (1926 г.) М. П. Званцова (Горюнова, 1948. С.56). Позднее могильник обследовался В. Н. Мартьяновым в 1982 г. и С. В. Очеретиной в 1988 г. (АКР, 2004. С.324).

В 1926 г. было исследовано 10 курганов (№1-10), 3 кургана были со слившимися основаниями - №1-3, один сдвоенный - №10. В грунтовой части могильника было исследовано 6 погребений XII-XIII вв. и 10 погребений, датированных XVI-XVII вв. Материалы раскопок изначально поступили видимо в музей народов СССР (1926-30 гг.), сейчас хранятся в Москве в фондах ГИМ (Коллекция №2463 В).

Публикация, посвященная материалам Коринского могильника, была сделана самой Е. И. Горюновой лишь однажды, в 1948 г., в рамках статьи для «Археологического сборника» (Горюнова, 1948. С.56-87). Помимо комплексной характеристики памятника, были выявлены особенности погребального обряда, состава инвентаря, осуществлена предварительная датировка как самого памятника, так и его хронологических этапов: 1) XII-XIII вв. и 2) XVI-XVII вв. Достаточно скромно представлены рисунки предметов из комплексов не позволяющие составить целостного представления ни об одном из них (Горюнова, 1948. Табл. XIII-XV, с. 157-159). Материалы этого памятника были также использованы Н. М. Малковой в диссертационном исследовании по мордовским погребальным комплексам XVI-XIX вв. (Малкова, дисс. 2000). Судя по описанию и

таблицам из этой работы, отдельного рассмотрения комплексы Коринского могильника не получили и датировались лишь на основании находок монет.

Несмотря на краткость описаний и небольшое количество иллюстраций, Е. И. Горюнова много внимания уделила именно сдвоенному кургану №10 (Горюнова, 1948. Рис.3. С.61, Рис.4. С.62, 80-81). Здесь же была представлена и находка «подвески с рельефным орнаментом» (Горюнова, 1948. С. 81. Табл. XIII, рис. 9).

Публикация фотографий фондовых предметов сотрудниками ГИМ в сети Интернет (<https://catalog.shm.ru...>), позволила выявить место хранения коллекции. Знакомство с подобными предметами из пределов русских княжеств XV-XVI вв. по научным публикациям (см. ниже), сделали возможным интерпретировать эту подвеску как иконку «Святого Никиты побивающего беса» или «Св. Никиты-бесогона». Столь редкая для мордвы находка, к тому же в ярком языческом захоронении, побудила нас к изучению самого курганного комплекса по имеющимся в распоряжении материалам.

Материалами для данной работы послужили: 1) публикация Е.И. Горюновой 1948 г.; 2) Коллекционная опись №2463 В (ГИМ); 3) фотографии предметов с сайта ГИМ (<https://catalog.shm.ru...>: «Коринский могильник»).

Курган №10 расположен в центре курганной группы Коринского могильника (Рис. 2Б). Е. И. Горюнова описала обстановку обоих курганов, в том числе и бревенчатую обкладку вокруг них в виде восьмиугольников (Горюнова, 1948. С. 81) (рис. 2В). У мордвы подобные сооружения существовали ещё в золотоордынское время, как характерный пример – курган №1 Сарлейского могильника из раскопок А. Ю. Рогачёва 1988 г. (Аникин, 2000. С.67). Южный курган (№10-б) явно имел ритуальное назначение, так как содержал только останки обугленных костей животных (коров, телят, лошадей, овец и свиней), угли от костров и фрагменты обугленных дров. Точно такого же характера был один из курганов из раскопок под руководством А. В. Богородского в 1913 г., не содержавший целостного человеческого захоронения (только одну кость) и большое количество костей животных и угли (АКР. 2004. С.325). Несомненно, что часть подобных курганов, представляла собой место проведения языческих обрядов и жертвоприношений. Судя по имеющимся описаниям скоплений костей и углей, после обряда поминовения, кости от приёма пищи бросались в костёр. По профилю кургана №10 (рис. 2Е), видно, что этот обряд практиковался значительный период (мы видим как минимум 4 слоя костров и их пересыпки) и завершён был окончательной засыпкой кургана грунтом (мощностью около 0,5-0,6 м). Особенностью этого сдвоенного кургана является наличие в седловине между курганными вершинами на глубине около 20 см горшочка с дубовыми углями (рис. 2Д). Известно, что дуб в мордовской мифологии, как и в славянской, ассоциируется с языческим богом грозы и молний у эрзян

«Пурьгине» (по-славянски «Перун»), покровителем воинства. Это позволяет предположить присутствие подобного культа у людей, совершавших обряд при окончательной насыпи кургана. Тем более, что в нём был захоронен мордовский воин.

Оба погребения северного кургана (№10-а) были осуществлены на поверхности земли. Важным обстоятельством обнаружения иконки «Св. Никиты-бесогона» (рис. 4, 1) в северном кургане было то, что она находилась вместе с другими мелкими предметами, разбросанными вокруг мужского погребения (рис. 2В). Скопление у правого плеча мужского скелета (рис. 2В, 3) украшений – бус (рис. 4, 12-13), раковин-каури (рис. 4, 8-11), бусин-подвесок (рис. 4, 14-19), браслетов (рис. 4, 20-31), серебряных подковообразных застёжек (рис. 4, 2-7), беспорядочно сложенных голеней и бедренных костей, позволило уже Е. И. Горюновой выделить этот комплекс как женское вторичное погребение. Подобные обряды нашли отражение как в материалах этнографии, так и в устном народном творчестве (Карабельников, 2008. С. 45-53). В сказке про «Дуболго Пичай», умершая девушка была помещена в гроб, в лесу на помосте, в уборе украшений и наряде. Возле гроба были поставлены лукошки с пшеницей (Баргова, 1996. С. 228-229). Комплекс золотоордынского времени имеется в материалах раскопок Старосельского могильника 2019 г., где п.28 молодой женщины, имело вторичный характер (перенесение останков из другого места и захоронение в земле). В этом комплексе также, как и в кургане №10 Коринского могильника имелся предмет христианского культа – нательный крестик (Втюрина, Четвертаков. 2020. С. 152-157). Е. И. Горюнова предположила также, что женское захоронение из Коринского кургана было разрушено при погребении мужчины. Судя по размещению обоих умерших на поверхности земли, можно предположить, что также, как и «Дуболго Пичай» первоначально умершая ранее мужчины женщина, некоторое время располагалась здесь же, в связи с чем её прах оказался разбросан и частично утрачен, а украшения и детали костюма находились в беспорядке.

Мужчина был похоронен с общей ориентировкой на ЗСЗ, в обычной для мордовских мужчин позе – вытянуто на спине (рис. 2В). Инвентарь представлен следующими предметами. Возле левой голени было девять железных наконечников стрел (рис. 3, 11,12, 14-20). Имелся у мужчины и кожаный «кисет», лежавший возле черепа (рис. 2В, 1). В нём были железное калачевидное кресало (рис. 3, 9) и кремь (рис.3, 10). Колчаный железный крюк (рис. 3, 13) видимо был обнаружен в районе груди или живота, в связи с чем Е. И. Горюнова предположила, что он служил для застёгивания одежды (Горюнова, 1948. С. 81). К деталям мужского костюма относится проволоочная петля (рис. 3, 3), пуговицы в виде плода шиповника (рис. 3, 5) и пугови-гирьки (рис. 3, 4). В области груди располагалась подковообразная застёжка (рис. 3, 2). В районе пояса бронзовая фигурная пряжка (рис. 3, 1).

Что весьма редко встречается у мордовских мужчин, это надетые на пальцы рук перстни (рис. 3, 6-8).

Весь комплекс предметов этого парного погребения можно условно разделить на датированные и датируемые предметы.

К датированным предметам относятся:

Калачевидное железное кресало (рис. 3, 9). Имеет близкую аналогию по форме в материалах раскопок Великого Новгорода, где обнаружено в 4 ярусе, датированном 1440-1470-ми гг. (Колчин, 1959. Рис.87,4. С. 104).

Перстень с линзовидной печаткой и S-видным орнаментом (рис. 3, 7), имеет аналогию по форме в составе Гавердовского клада начала XV в. В составе того же клада есть аналогия (Зубков, 1951. Рис. 52,2-3. С. 139) по форме и *перстню с ромбической печаткой, выступами по углам ромба и растительным орнаментом в центре* (рис. 3, 8).

Эллипсоидные или дыневидные продольно-ребристые подвески, образующие в поперечном сечении розетку (рис. 4, 14-19), имеют прямые аналогии в материалах культурного слоя Торецкого (Балынгужского) поселения XV в. Судя по остаткам заклёпок в виде цветков на концах, были в костюме в виде подвесок. *Бусы круглые из чёрного стекла с «глазками» из белого стекла и красных точек* (рис. 4, 12), также имеют аналогию в культурном слое Торецкого (Балынгужского) поселения XV в. (Вилиулина, 2013. Рис.1, 11, 23. С.23), а также в слоях середины – 2-й половины XV в. городища «Городок» (территория Нижнего Новгорода) (Грибов, 2018. Рис.119,20. С. 544).

Браслеты пластинчатые с полукруглыми в сечении площадками в центре, украшенные характерным растительным орнаментом, вписанным в линзы и в виде буквы «Ж» на площадке в центре (рис. 4, 20,21,23,24,31), датируются пока по комплексу п.37-38 Старосельского могильника (Козлов, 2024. Рис. 2. С.48), рубежом XV-XVI вв. и мордовскому погребению с Рождественского городища с монетой XV в. (Руденко, 2001. С. 198, Рис. 39, 9-13. С. 198).

Пластинчатый браслет, украшенный продольными желобками и вписанными ромбами с крестом в центре (Рис. 4, 25), имеет аналогию в п.31 Старосельского могильника, где также взаимосочетается и с эллипсоидными продольно-ребристыми бусами, перстнем с ромбической формы печаткой и растительным орнаментом, с браслетом пластинчатым с площадкой в центре и орнаментом в виде буквы «Ж» (Четвертаков, 2020. Илл. 63, 1. С. 96; Илл. 64, 1, 3, 5-20. С. 97).

Пуговицы в виде плода шиповника (рис. 3, 5), имеющие в нижней части накладку в виде шайбочки и круглое окончание-заклёпку, представлены в п.1 Ореховского могильника,

датированного монетами великого князя Ивана III и возможно Василия III, соответственно 2-й половиной XV в. – началом XVI в. (Шутова, 1992. Рис.33,30. С. 216; Табл.24. С. 167).

Имеют датированные аналогии и некоторые железные наконечники стрел. *Наконечник ромбовидной формы с граненой шейкой* (рис. 3, 11), обнаружен в культурном слое Торецкого (Балынгузского) поселения (Валиулина, 2018. Рис.1.6. С.54), многочисленны они также и в Восточной Европе в целом (в том числе в русских землях в XV-XVII вв.). *Наконечник удлинённых пропорций ромбический с шейкой и упором* (рис. 3, 14) близок по форме и деталям наконечнику из культурного слоя упомянутого ранее городища «Городок» (Грибов, 2018. Рис.116,4. С. 541).

Интересная аналогия обнаружилась *проволочной петле* (рис. 3, 3). На картине Жана Фуке «портрет Гонеллы, придворного шута Феррары», написанной около 1450 г. (Венский музей истории искусств), подобные петли представлены на вороте костюма шута, что позволяет предположить подобное расположение петли на костюме мордовского воина.

Исходя из этого, можно отнести время жизни людей из кургана №10 Коринского могильника ко 2-й половине XV в. - началу XVI в. Социальный статус умерших определяется как наличием изделий из серебра (застёжки), количеством предметов украшений и вооружения, так и самим курганным обрядом. Вполне обосновано можно предположить высокое положение этой семейной пары в мордовском обществе, а мужчину включить в круг мордовской военной знати того времени.

Иконка из кургана №10 Коринского могильника (Оп. В 2463-370) изготовлена из сплава на основе меди, имеет размеры: высота 2,7 см (без ушка для подвешивания), ширина 2,3 см; высота ушка 0,7 см, ширина ушка 0,45 см (Рис.5.1). Ушко имеет форму куба со срезанными углами, образующими в центре ромб с вписанным в него крестом. Сама подвеска относится к группе IX, тип 5 «Арочные», по классификации А. Я. Станюковича (Станюкович, 2011. С. 195). Арочная рамка подвески выполнена из двух бордюров, между которыми имеется линия из точек. В центре изображена фигура мужчины, одетого в кафтан до колен, на плечах плащ, который виден справа. Левой рукой «Св. Никита» держит за волосы «беса» маленького роста, пытающегося убежать, правой замахивается цепью. С левой стороны слабо читаемые буквы «НКТ». Обратим внимание на некоторые детали изделия, для выявления наиболее близких аналогий (возможно одной литейной формы, в которых они были изготовлены). Во-первых, хорошо виден небольшой наклон верхней стороны «куба» ушка для подвешивания. Во-вторых, рамка подвески имеет дефект с левой стороны от ушка в виде вдавления и сама форма арки более выпуклая справа. В-третьих, имеется сквозное отверстие над надписью, что явно является браком при отливке. При этом

половина нижней части левой стороны, нижняя часть правой и вся нижняя рамка, рельеф фигур «Св. Никиты» и «беса» имеют следы длительного ношении иконки под одеждой.

Сюжет изображенный на иконке, в том числе и по письменным источникам, описан в работе В. В. Хухарева (Хухарев, 2015. С. 456-457). Излагается следующим образом. Никита, (якобы) сын римского императора Максимиана, исповедует христианство, отказавшись от поклонения кумирам (идолам). Узнав про это, император наказывает его, сажает в темницу, требуя отречься под пытками от веры во Христа. Благодаря вере, Никита выдерживает пять пыток, а дьявол посылает к нему в темницу в образе ангела беса, пытаясь уговорить его вернуться в язычество. Однако Никита, помолившись Богу, видит архангела Михаила, который подсказывает ему про ложность ангела. Никита хватает беса и бьет его своей цепью, изгоняя от себя. Как отмечает В. В. Хухарев, со временем изменился как сюжет апокрифа про Святого Никиту, так и его отображение на предметах христианского культа – нательных крестиках, иконках, иконах и росписи, архитектуре. Иконка из кургана №10 Коринского могильника, имеет аналогии в Великом княжестве Московском, например с территории Тверской области (Хухарев, 2015. Рис.8. С.463), где Святой Никита изображен с бородой, по мнению исследователя, относится ко времени, когда сюжет апокрифа уже начал меняться в изобразительном искусстве, но не утратил связи со сказанием, это «2-й тип» (Хухарев, 1994. С. 214). Так мы переходим к аналогиям и имеющимся датировкам данных предметов личного благочестия подобного вида.

Иконки с изображением «Св. Никиты-бесогона» многообразны по размерам, форме и деталям. По данным В.В. Хухарева на 2015 г. насчитывалось более 150 единиц (Хухарев, 2015. С. 460). Это говорит о том, что производились они в различных центрах. Многие из них обнаружены случайно и не имеют археологического контекста. При этом аналогичных коринской иконке предметов, обнаруженных при раскопках и опубликованных, немного (рис. 5, 2-6). По известным нам работам, они обнаружены: Тверская область (Хухарев, 2015. Рис.8. С.463) (рис. 5, 2), Москва (Хухарев, 2015. Рис.7,2. С. 462) (рис. 5, 3), Москва (Векслер, Беркович, 2005. Рис. 1,5. С. 226) (рис. 5, 4), селище Кулаково-3, Московская область (Богомоллов и др. 2013. Рис.16,1-2. С. 212) (рис. 5, 5-6). Также много их представлено в работе А. Я Станюковича (Станюкович, 2011. Табл.ХІХ, 297-306. С. 75), происходящие из Московской, Тульской и Рязанской областей (Станюкович. 2011. С. 195-199). Большое количество их представлено на интернет-аукционах из случайных находок и грабительских раскопок «чёрных копателей». Обращение к одному из таких, выявило как близкие, так и полные аналогии коринской иконке в Москве, Калуге, Подольске, Егорьевске, Боровом, Нижнем Новгороде, Смоленске, Рязани и др. Несомненно, этими пунктами круг находок далеко не исчерпывается.

В наибольшей степени иконка из кургана №10 Коринского могильника (рис. 5, 1) близка к иконкам из селища Кулаково-3 (рис. 5, 5-6). Как и у коринской, на этих экземплярах имеется одинаковые ушки и их дефект, дефект рамки возле ушка, выпячивание правой стороны арки иконки, сходство в пропорциях деталей и надпись. При этом они отличаются от коринской большей высотой (2,7 см (Корино) и 3 см (Кулаково-3)), также различается и ширина (2,3 см (Корино) и 2,5 см (Кулаково-3)). Близка также коринской и иконка из Москвы (рис. 5, 4), как по размерам, так и по деталям, но отсутствие части из них не позволяет выявить их сходство уверенно. Остальные иконки из представленных отличаются от коринской в деталях. У иконки из Тверской области иные дефекты, надпись двухсторонняя, ушко простой формы (рис. 5, 2). Иконка из Москвы судя по изображению «Св. Никиты» и «беса» вообще отлита по оттиску с частичной потерей форм и деталей (рис. 5, 3). Эти образцы позволяют предположить, что иконки из Корино и Кулаково были произведены в одно время, отлиты в разных формах, но изготовленных одним мастером, в связи с чем сохранились характерные для его «почерка» особенности.

В. В. Хухарев, датирует арочные иконки XV-XVI вв., указывая на наибольшее их распространение в XVI в. (Хухарев, 2015. С. 461). XVI в. по данным А. Г. Векслера и В. А. Берковича датируется хозяйственная яма на ул. Большая Дмитровка, 17 в Москве, где была обнаружена иконка со значительными утратами (Векслер, Беркович, 2005. С. 224). На селище Кулаково-3 в Подмоскowie, обе обнаруженные иконки были найдены в основании слоя обожженной глины из ямы 171, датируемой XVI в. (Богомолов и др. 2013. С. 211). По отдельным деталям иконки и их оформлению А. Я. Станюкович датирует подобные иконки XV – началом XVI в. (Станюкович, 2011. С. 195-197). Рассмотрение признаков приведенных в последней работе (группы IX, типа 5, «арочных»), позволяет выделить иконки из подтипа «арочных» в отдельный вид – с кубовидным ушком. Именно к ней и относится иконка из кургана №10 Коринского могильника. В работе М. В. Седовой двусторонний крестик из Новгорода с подобным кубовидным ушком и крестом в центре (Седова, 1981. Рис. 19, 4, 5. С.60), датируется серединой XV в. (2 ярус – дендродата: 1446 г.) (Седова, 1981. С. 59). Как видно из приведенного выше данные иконки датируется в пределах XV-XVI вв.

Исследователями распространения предметов христианского культа с изображениями «Св. Никиты-бесогона» его почитание локализуется в Новгородско-Тверских землях XV-XVI вв. Обосновывается это наибольшей частотой встречаемости изображений Святого на индивидуальных предметах благочестия (крестики, иконки, энколпионы, наперстные кресты) - 60% из всего количества находок, находки литейных форм и литейного брака в Твери (Хухарев, 1994. С. 215). В тоже время, как видно из описанного выше ареала находок непосредственно иконок «Св. Никиты-бесогона» (группы IX, типа 5, «арочных» с

кубовидным ушком), их концентрация пока не просматривается нигде, кроме окрестностей самой Москвы и собственно Московского княжества. При этом, по наблюдениям А. Г. Векслера и В. А. Берковича по материалам раскопок 2000-2001 гг. на ул. Большая Дмитровка, 17 в Москве и изучению письменных источников, в данном районе прослеживается высокая концентрация крестиков и иконок с этим святым, связываемая ими с проживанием здесь выходцев из Новгородско-Тверского региона (Векслер, Беркович, 2005. С. 225).

Почитание Святого Никиты в средневековой Руси основывается на борьбе христианства с язычеством, так как и в самом сказании, о его испытаниях и лишениях, данный посыл очевиден. В этом смысле интересна точка зрения исследователей селища Кулаково-3, где в яме 171 были обнаружены иконки. Авторы публикации предполагают сакральное значение находок обеих иконок со «Св. Никитой-бесогоном» в основании постройки (т.е. брошенных при заложении самой постройки, возможно дома) (Богомолов и др. 2013. С. 115). В коринском комплексе подобное не просматривается (в отличие от приведенных выше ярких языческих элементов). Судя по находке её среди предметов женского костюма, он принадлежал умершей женщине. Находки христианских культовых предметов у мордвы до массовой христианизации в XVIII в. единичны. Они не связаны с обрядом - умершие всегда похоронены по местному языческому ритуалу. Как пример можно привести п.16 из могильника Заречное-II (XII в.), где среди дарственных женских украшений обнаружена иконка с «Богородицею и младенцем Иисусом» в ожерелье (Мартыянов, 2004. Табл.43.17-29. С.121). На основании этого можно предположить два варианта его попадания в женский костюм.

Коринский могильник расположен в современном Шатковском районе Нижегородской области. В ту эпоху данный регион находился уже в составе Великого княжества Московского (рис. 1). В связи с этим можно предположить три варианта его попадания в комплекс украшений женщины. Первый вариант предполагается при этнической принадлежности женщины к русскому православному населению Поволжья, возможно переселившейся из района распространения подобных предметов (Москва и округа, Тверь и др.). Женщина могла выйти замуж за мордовского воина, приобрести в этой общине обычные для мордовки атрибуты костюма (браслеты, ожерелья и т.д.), а после смерти быть похороненной по обряду общины мужа. Второй вариант связан с расширением миссионерской деятельности православной церкви в регионе после присоединения его к Великому княжеству Московскому. Эта женщина могла быть мордовкой, принявшей христианство. Но в этом случае, подобное должно отразиться в более широком распространении христианской атрибутики и появлении соответствующей обрядности на

могильнике. Пока говорить об этом нельзя, этот комплекс единственный из раскопок 1926 г. Третий вариант на основе взаимодействия местной мордвы и русских на мифологическом уровне. Представления о войне, борющемся с «тёмной силой», могли быть также восприняты местной мордвой и послужить мотивацией к ношению этого предмета, безотносительно к православию. Так или иначе, находка иконки «Св. Никиты-бесогона» свидетельствует о взаимодействии мордовского и русского населения в регионе в XV– XVI вв.

Рассмотренные в данной статье материалы по кургану №10 Коринского могильника, позволяют на новом уровне увидеть многие аспекты археологического изучения древностей этого времени. Благодаря публикации предметов погребальных комплексов на общедоступных ресурсах, открылась возможность изучения периодов, слабо освещённых пока в литературе. При определении хронологии отдельных предметов парного погребения удалось выявить те из них, которые образуют взаимовстречаемость и тем самым целостно датировать комплекс 2-й половиной XV – началом XVI в. Той же эпохой датируется и иконка православного святого по русским материалам. Эта находка позволяет увидеть отражение в археологическом материале темы этнического взаимодействия русского и мордовского населения региона. Данная публикация является первой, затрагивающей проблематику мордовских древностей XV в. непосредственно, поэтому в дальнейшем, по мере накопления материалов и знаний, детализации и раскрытия различных тем, открытия и находки несомненно ещё впереди.

Автор выражает благодарность сотруднику Музея-заповедника «Остров-град Свияжск» Е. В. Четвертакову за возможность использования его материалов по Старосельскому могильнику, сотруднику ГИМ А. М. Красниковой за помощь и содействие в процессе работы с коллекциями.

Список источников и литературы

Аникин И. С. Об этнической принадлежности курганных погребений средневековой мордвы (по материалам раскопок Сарлейского могильника) // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Тез. науч. конф.: Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2000. С. 67-70.

Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 1. 2004. 385 с.

Богомолов В. В., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Позднесредневековый комплекс из раскопок на поселении Кулаково 3 Раменского района Московской области // Археология Подмоскovie. Мат-лы науч. семинара. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2013. С. 200-216.

Валиулина С. И. Комплекс позднесредневекового вооружения по материалам Торецкого городского поселения: уч. пособие. Казань: Казан. ун-т., 2018. 67 с.

Валиулина С. И. Стекланные изделия Торецкого поселения / Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. (Т. 155, кн. 3, ч. 1). Казань, 2013. С.20-29.

Векслер А. Г., Беркович В. А. Находки нательных крестов с изображением Святого Никиты-бесогона из раскопок на улице Большая Дмитровка в Москве // Крест как личная святыня. Ставрографический сборник. Кн. 3. М.: Изд-во Моск. Епархии. Изд-во «Древлехранилище», 2005. С. 223-230.

Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н. Хронология могильников населения I-XIV вв. западной части Среднего Поволжья / Саранск, 2008. 352 с.

Втюрина К. Н., Четвертаков Е. В. Языческие традиции мордвы-терюхан и процесс христианизации / Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: Сб. стат. Вып. 4. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 152-157.

Горюнова Е. И. Коринский могильник // Археологический сборник. Вып.1. Саранск, Мордов. гос. изд-во, 1948. С. 56-87.

Грибов Н. Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города: Монография. М.: ИА РАН, 2018. 589 с.

Зубков В. И. Гавердовский клад XV века // КСИИМК. №XLI, Москва, 1951. С. 138-141

Козлов Д. А. Накладка поясной сумки из п.159 Мордовско-Паркинского могильника в контексте аналогий и исторических событий Восточной Европы на рубеже XIV-XV вв. // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн: сб. стат. по мат-лам науч. практ. семинара. Нижний Новгород, 2023. С. 21-32

Козлов Д. А. Традиции ношения украшений мордовскими женщинами Терюшевской волости в XVI-XVII вв. По материалам раскопок Старосельского могильника // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн: сб. стат. по мат-лам науч.-практ. онлайн-семинара, посв. 500-летию юб. основ. крепости Васильсурск в 1523 году. Нижний Новгород-Свияжск, 2024. С. 37-50

Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого / МИА №65. Труды Новгородской археол. экспед. Т. II. М.: Изд-во АН СССР. 1959. С. 7-120.

Карабельников Д. В. К вопросу о наземно-воздушных погребениях у городецких племён и древней мордвы (по материалам археологии, этнографии и фольклора финно-угров Поволжья) / Записки краеведов. Нижний Новгород, Изд-во «Книги», 2008. С. 45-53.

Малкова Н. М. Погребальный обряд и инвентарь могильников эрзи и мокши XVI - начала XIX вв. / дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Ижевск, 2000. 329 с.

Мартьянов В. Н. Древняя история Арзамасского края: Монография. Арзамас: АГПИ, 2004. 443 с.

Руденко К. А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI-XIV вв. Казань: РИЦ «Школа», 2001. 220 с.

Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Сказание о мордве (Т. 3). Народные сказки. Сост. Баргова Т.С., худож. Л.В. Попов. Саранск, 1996. 328 с.

Станюкович А. Я. Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI-XVI веков. М.: Группа «Искатели», 2011. 224 с.

Хухарев В. В. К вопросу об изображениях Святого мученика Никиты, изгоняющего беса, на крестах и иконках из Твери // Тверской археологический сборник. Тверь: ТГОМ, 1994. С. 210-215.

Хухарев В. В. Кресты и иконки с сюжетом из жития «Никитино мучение» // Археология Подмосковья. Мат-лы науч. Семинара. Вып.11. М.: ИА РАН, 2015. С. 455-466

Шутова Н. И. Удмурты XVI – первой половине XIX в.: по данным могильников / Удмурт. ин-т ист., яз. и лит-ры Урал. отд. РАН. Ижевск, 1992. 262 с.

Четвертаков Е. В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2019 году / Архив ИА РАН. Р-1. 140 л.

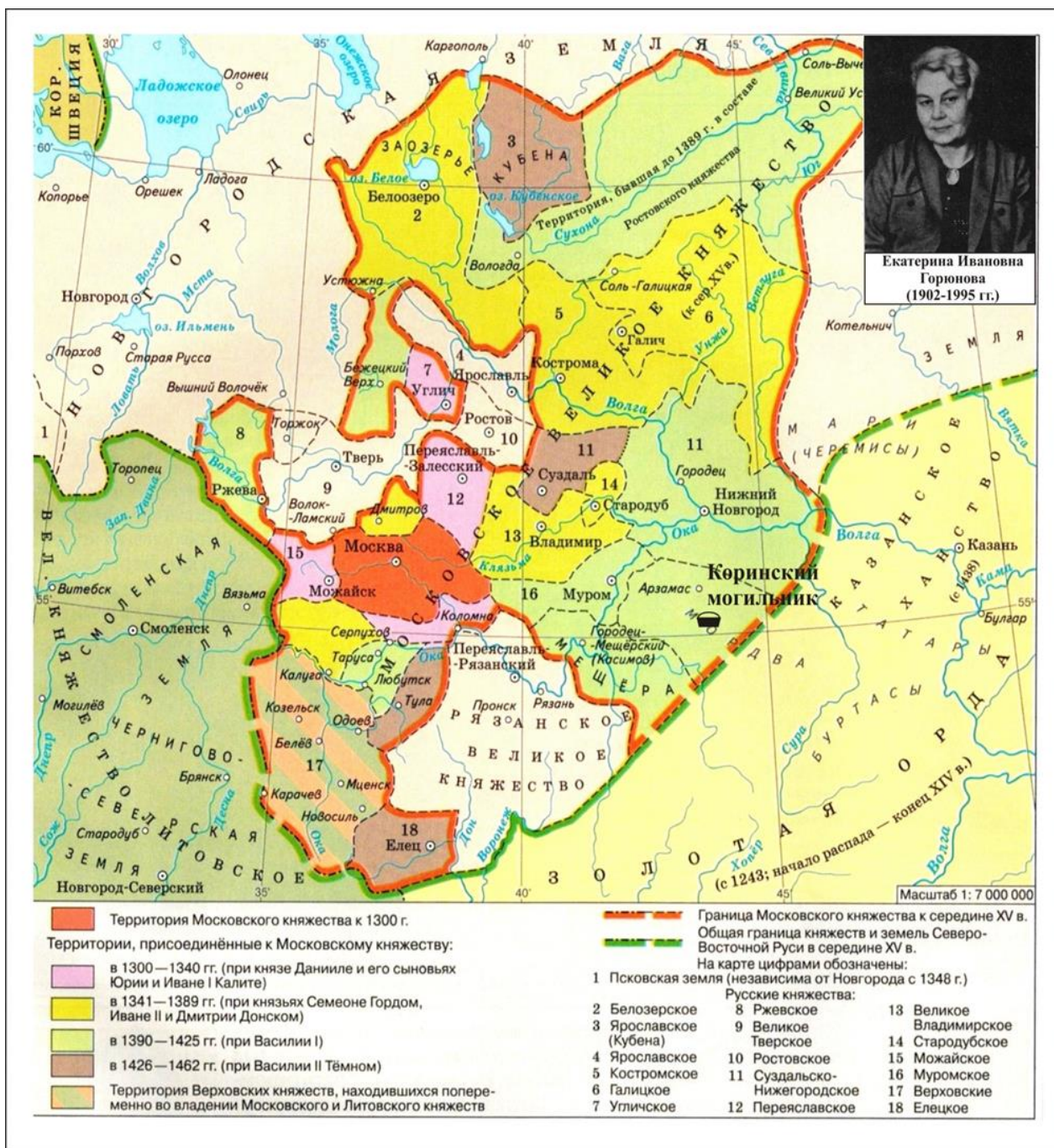

Рис. 1. Карта «Русские княжества в XIV–XV вв.» и расположение Коринского могильника.

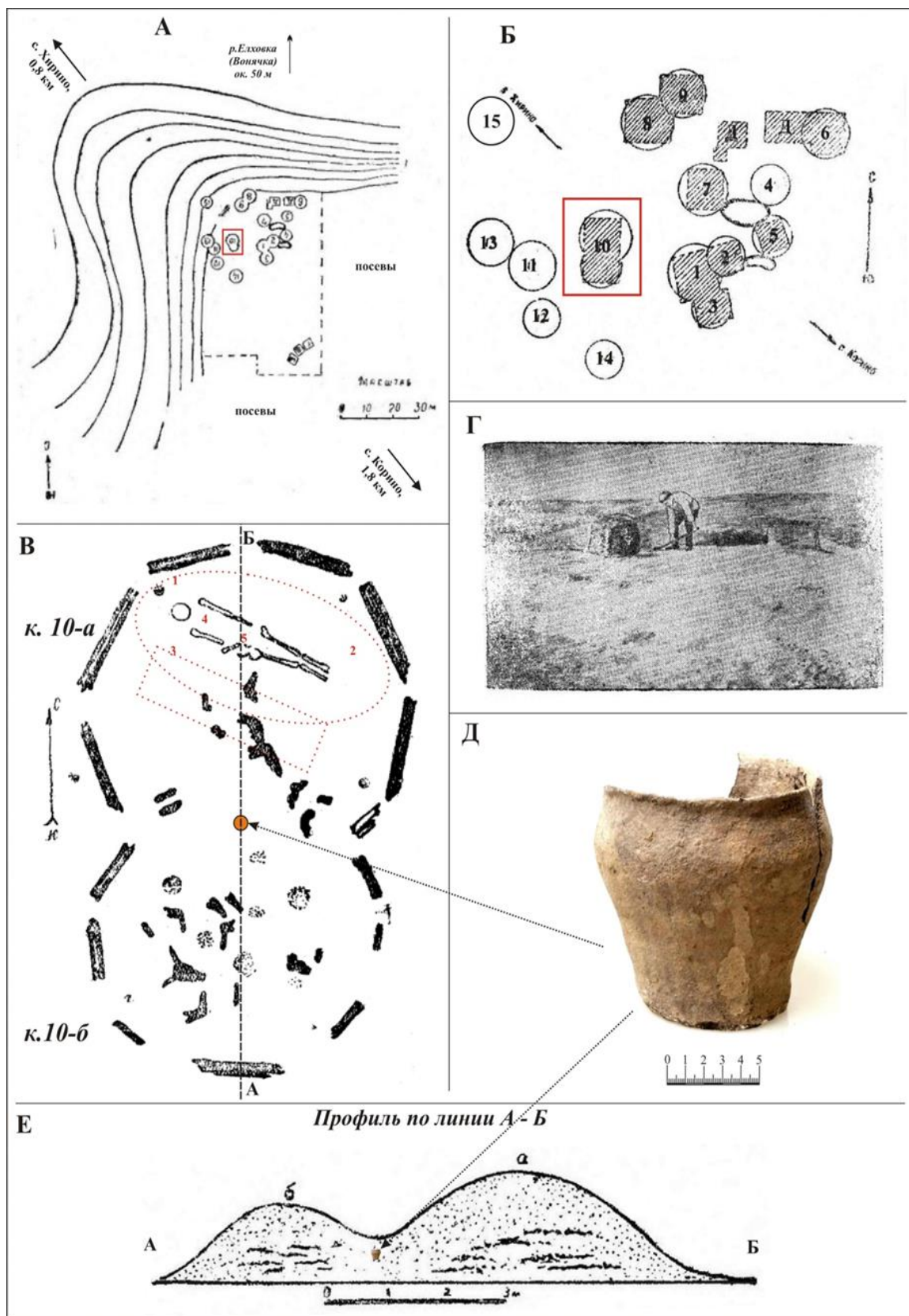

Рис. 2. Планы Коринского могильника и кургана №10.

А – план Коринского могильника (по Е. И. Горюновой, 1948); Б – план курганный группы Коринского могильника и расположение кургана №10 (в рамке) (по Е. И. Горюновой, 1948) с дополнениями (авт.); В – план кургана №10 (по Е. И. Горюновой, 1948) с дополнениями (авт.); Г – фотография расчистки двухвершинного кургана №10 (по Е. И. Горюновой, 1948); Д – сосуд из седловины кургана №10 (фонды ГИМ); Е – профиль кургана №10 (по Е. И. Горюновой, 1948) с дополнениями (авт.).

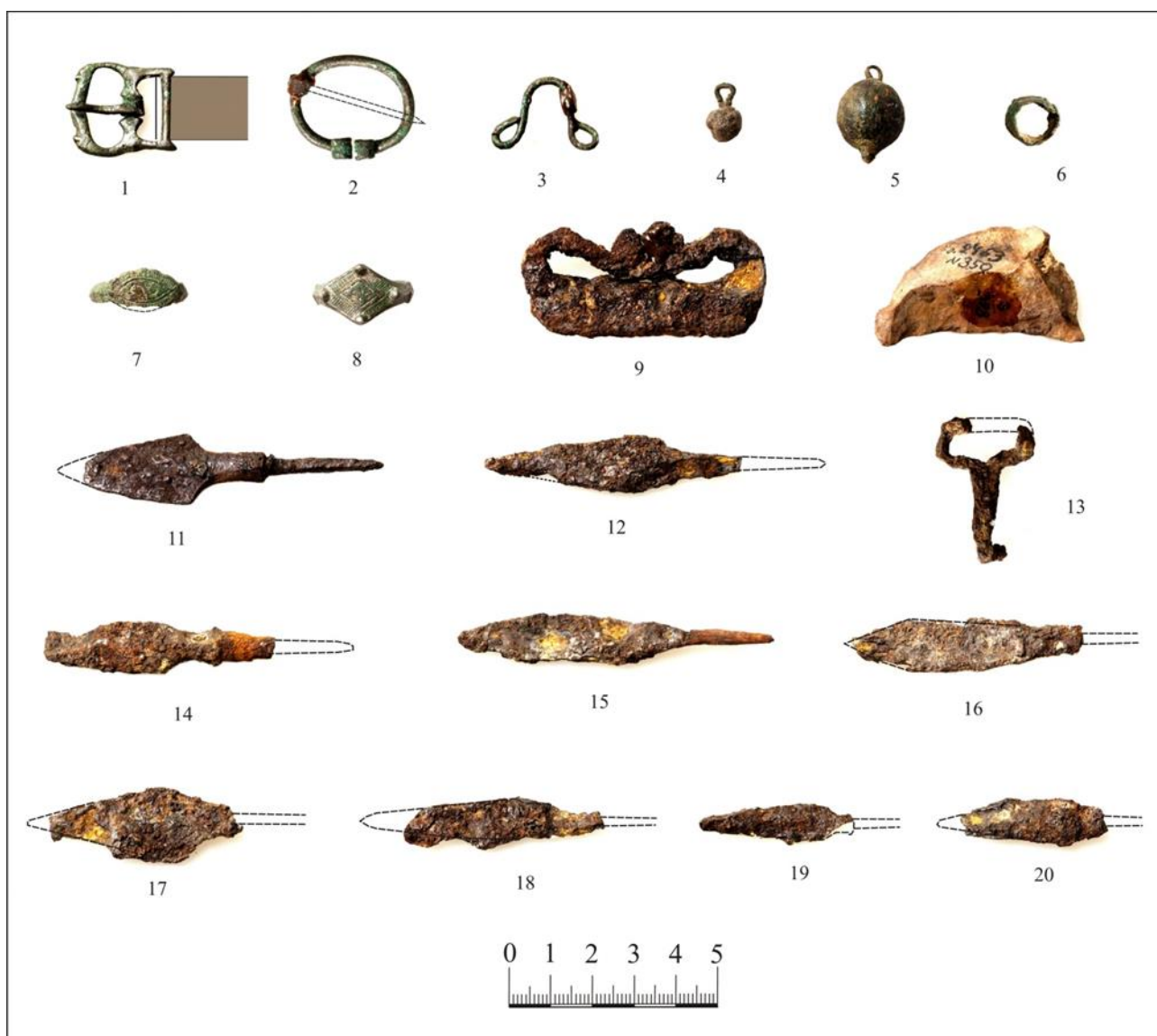

Рис. 3. Предметы из мужского погребения курагна №10.

1 – пряжка; 2 - застёжка; 3 – петля; 4 – пуговка-гирька; 5 – пуговица; 6 – кольцо; 7-8 – перстни; 9 – кресало; 10 – кремь; 11-12, 14-20 – наконечники стрел; 13 – колчаный крюк. 1-8 – сплав на основе меди; 9-20 – сплавы на основе железа.

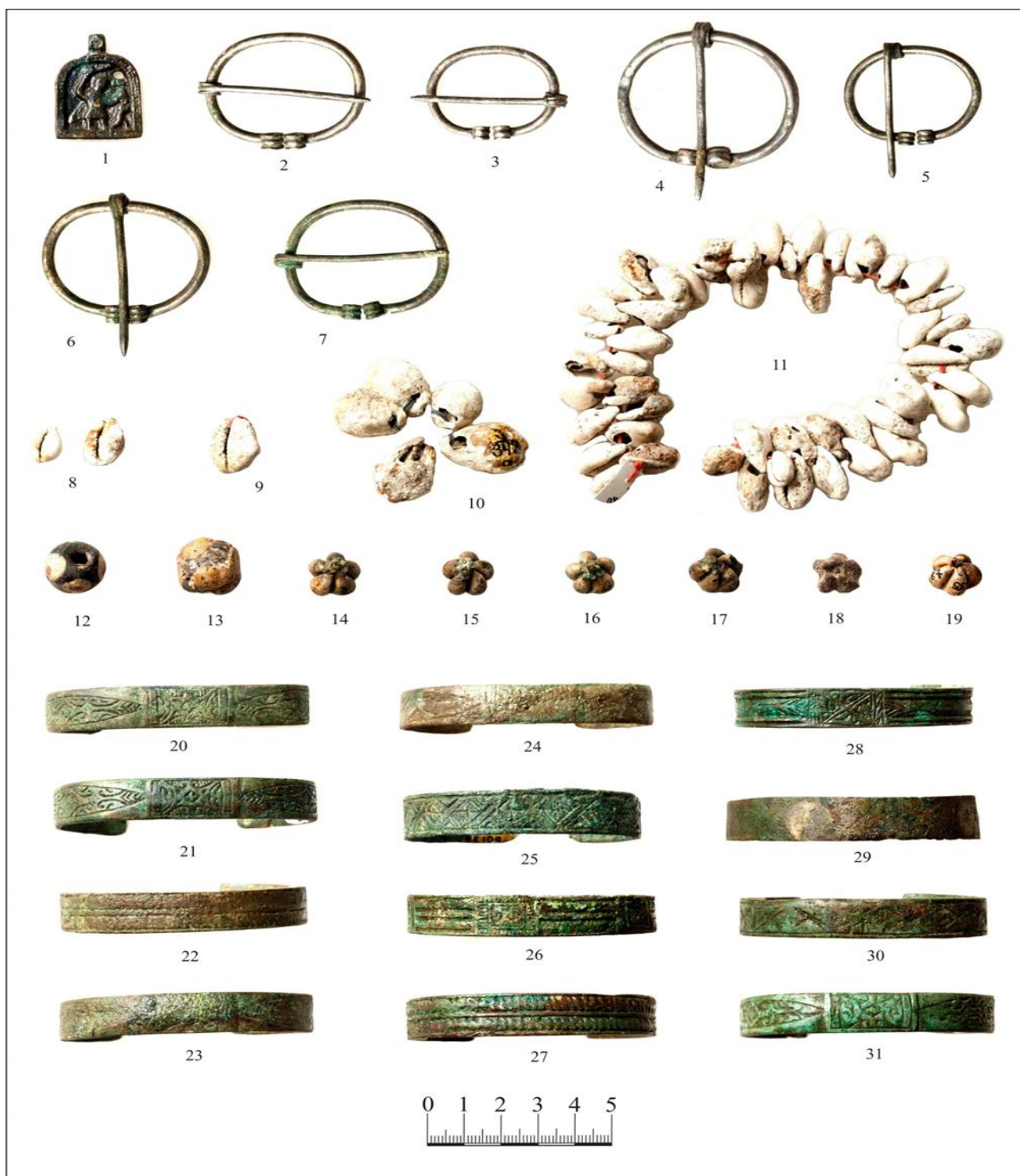

Рис. 4. Предметы из женского погребения кураган №10.

1 – иконка-подвеска; 2-7 – застёжки; 8-11 – раковины-каури; 12-13 – бусины; 14-19 – бусины-подвески; 20-31 – браслеты. 1, 20-31 – сплавы на основе меди; 2-7 – сплав на основе серебра; 12-13 – стекло; 14-19 – стекло, сплав на основе меди.

Рис. 5. Иконка-подвеска из Коринского могильника и её аналогии.

1 – курган 10 Коринского могильника (фонды ГИМ); 2 – Тверская область (по В. В. Хухареву, 2015); 3 – Москва (по В. В. Хухареву, 2015); 4 – Москва (по А. Г. Векслер, В. А. Беркович, 2005); 5-6 – селище Кулаково-3, Московская область (по В.В. Богомолу и др., 2013).